

Они не беспокоились о том, сколько денег у Лу Юаньчжи было обмануто, но их волновало, сколько лишнего получил Лу Чжэньнин, и не обманут ли их в будущем!

— Я ничего не делал! — Лу Чжэньнин упрямо отрицал свою вину, его глаза яростно смотрели на Лу Юаньчжи.

Лу Юаньчжи же выглядел совершенно расслабленным.

— Дедушка, Лу Гоуцзы на меня смотрит! Он не только не признаёт свою ошибку, но ещё и смотрит на меня! — Лу Юаньчжи тут же пожаловался старейшине.

Лу Юаньчжи уже давно не называл Лу Чжэньнина отцом, всегда обращаясь к нему по имени или прозвищу. Лу Гоуцзы — детское прозвище Лу Чжэньнина, так как считалось, что простые имена помогают детям выжить. В семье Лу у всех были такие прозвища.

Сын, называющий отца «собакой», действительно звучало неподобающе, но старейшина Лу не мог наказать внука, зная, что Лу Чжэньнин был плохим отцом, который скорее вредил сыну, чем помогал. Поэтому он просто закрывал на это глаза, лишь бы это не происходило при посторонних.

Старейшина Лу не мог ничего поделать с Лу Юаньчжи. Он любил внука больше, чем сына. Лу Юаньчжи вырос на их глазах, лишившись матери в раннем возрасте, а мачеха была не из лучших. Старики с любовью и заботой вырастили внука, и естественно, он был им дороже, чем непослушный и неприятный сын.

Когда Лу Юаньчжи занимал деньги, старейшина чувствовал себя виноватым перед внуком. Теперь, когда произошло такое, если бы Лу Чжэньнин не был его сыном, старейшина бы точно заставил его забыть, кто его отец!

Лу Чжэньнин понимал, что его действия больше не скрыть, но он не испытывал особой паники. В конце концов, Лу Юаньчжи был его сыном, и что такого, если он взял немного его денег? Без него Лу Юаньчжи бы даже не появился на свет!

Непослушный щенок, он и не надеялся, что этот плохой сын будет его содержать в старости, так что какая разница, если он потратит немного денег заранее! Его отец просто слишком консервативен! Деньги для того и существуют, чтобы их тратить, так почему бы и ему не потратить? Отец имеет полное право тратить деньги сына!

Он был тем, кто управлял бизнесом, он развивал фабрику, и все заслуги были его. Он просто занял немного денег, и что с того? Даже если бы он взял все, что с того?

Лу Чжэньнин в душе обвинял Лу Юаньчжи в непослушании и неуважении. Его дед оставил ему столько денег, так почему бы и ему не получить свою долю?

На поверхности Лу Чжэньнин покорно признавал свою вину, но в душе он был полон негодования.

Старейшина Лу, который командовал больше солдат, чем Лу Чжэньнин съел риса, прекрасно понимал, что творилось у него в голове. Старейшина был в ярости и решил преподать своему бестолковому сыну урок.

Бай Ифан была в панике и хотела предупредить Лу Чжэньнина, но, не успев ничего сделать, она заметила, что её невестка, обычно молчаливая, смотрела на неё с осуждающим взглядом,

словно острый нож, угрожая безмолвно.

Бай Ифан с детства научилась читать людей по их выражениям, и, увидев лицо старейшины, она поняла, что дела плохи. Но, несмотря на это, под взглядом невестки она не смела сделать ни шага.

Для старейшины Лу Чжэньнин был неправ во всём, его существование было ошибкой. Особенно его поведение, когда он не признавал вину и пытался выкрутиться, раздражало старейшину до крайности.

Старейшина, прослуживший десятки лет в армии, видел множество людей и не терпел таких, кто считал других дураками.

Хотя старейшина был строг, с возрастом он стал более мягким к младшим. Если бы Лу Чжэньнин признал свою вину и предложил компенсацию, возможно, он смог бы восстановить своё положение.

К сожалению, Лу Чжэньнин, привыкший к лёгкой жизни, был слишком избалован и выбрал самый глупый вариант. Или, возможно, его отцовская гордость не позволила ему извиниться перед сыном.

— Не знаешь, в чём ошибка? — Разочарование в глазах старейшины было очевидным. Он вздохнул, его спина всё ещё была прямой, но он казался старше. — У тебя два дня, чтобы собрать триста тысяч и отдать Юаньчжи. Считай, что ничего не произошло.

— Папа... — Лу Чжэньнин смотрел с недоверием, но то, что последовало дальше, шокировало его ещё больше:

— Деньги на фабрику дал Юаньчжи, и без него её бы не было. Я, как поручитель, плохо разобрался в людях. Я дам сто тысяч. Лу Чжэньнин, иди и подумай над своим поведением. Я позвоню третьему, он сейчас за границей, и с этого момента ваша семья больше не будет заниматься делами фабрики.

— Папа! — Бай Ифан широко раскрыла глаза, её страх и сдержанность исчезли, и слова вылетали из её рта, как пули:

— Хотя деньги на фабрику дал Юаньчжи, но...

— Никаких «но». — Взгляд старейшины, полный решимости и угрозы, заставил всех содрогнуться.

Бай Ифан и Лу Чжэньнин были полны негодования, но старейшина махнул рукой, и сильные слуги вывели их из комнаты.

В гостиной царил напряжённая атмосфера. Старейшина был искренне разочарован, а старший сын и Лу Лу смотрели с ожиданием.

Лу Юаньчжи видел их мысли, но его это не волновало. Его цель — двести тысяч — была достигнута.

Старший и младший сыновья были полны амбиций, и старейшина и бабушка Лу знали это, но они не могли просто выгнать их всех.

Когда они начали требовать «помощи» от Лу Юаньчжи, старейшина чуть не умер от сердечного приступа.

Старейшина знал, что молодое поколение семьи Лу было не из лучших. Когда эти дети родились, он и бабушка были заняты службой стране, и у них не было времени на воспитание.

Старейшина Лу в молодости был красив и быстро продвигался по службе, что привлекало к нему множество женщин. Но в те времена нельзя было оставаться на одном месте, и они часто разлучались.

Когда «главная жена» отсутствовала, остальные женщины могли делать что угодно. Несколько детей старейшины погибли именно так.

Когда страна наконец стабилизировалась, он и бабушка больше не путешествовали, и старейшина разобрался с остальными женщинами. Но воспитание детей было прервано, и они выросли неправильно.

Старейшина любил Лу Юаньчжи, но другие дети тоже были его детьми. Видя их неудачи, он снова смягчился.

Кроме того, если бы он не вмешался, другие члены семьи могли бы причинить вред Лу Юаньчжи. Поэтому он решил, что Лу Юаньчжи может давать деньги, но они должны быть возвращены с процентами.

Старейшина думал, что это защитит внука и даст детям возможность исправиться.

Ведь престиж семьи Лу держался на старейшине, и если он умрёт, всё изменится. Нужно было найти выход.

Старейшина сделал всё, чтобы деньги не были украдены его детьми.

Но он не ожидал, что всё закончится так.

Он всегда думал, что Лу Чжэньнин, хотя и был ветреным, никогда не станет относиться к своему сыну как к врагу.

— Папа! Папа! — Лу Чжэньнина вывели, но он не мог смириться с потерей источника дохода. Его громкий голос, как громкоговоритель, разносился по дому:

— Папа, я вложил столько сил в эту фабрику, вы не можете просто уволить меня! Папа, вы спросили маму? Почему вы так поступаете?

[Бай Ифан — жена Лу Чжэньнина. Лу Гоуцзы — уничижительное прозвище Лу Чжэньнина, буквально «Собачонок Лу». Третий сын — упоминаемый в тексте дядя Лу, проживающий за границей.]